

— Ху Цзюмин, стой кому говорю! — раздался позади звонкий окрик.

Но беглец даже не подумал притормозить. Он стремительно петлял среди деревьев, и его длинные серебряные волосы развевались на бегу, очерчивая в воздухе сверкающую дугу.

Однако преследователь упрямо возник прямо у него на пути, заставив уйти в резкое торможение. Взлетев на росший в сторону толстый сук, Ху Цзюмин с досадой прищурился. Лицо преследователя казалось смутно знакомым. Кажется, они виделись однажды, но когда и при каких обстоятельствах — давно стерлось из памяти без следа.

Е Цзи, разглядывая недовольного красавца, мысленно вздохнул. Лисий демон — он и есть лисий демон. Не чета прочему уродливому отродью, населявшему здешние края. Ху Цзюмин предстал перед ним в лазурном одеянии, с рассыпавшимися по плечам серебряными прядями. На бледном лбу горела багровая демоническая метка. Черты его лица казались безупречными, словно сошедшими с тончайшего шелкового свитка: фарфоровая кожа, яркие алые губы... Не будь он так высок и статен, не носи мужского платья, его легко можно было бы принять за прекраснейшую из дев.

— Ху Цзюмин! Ты как смеешь противиться воле Короля демонов? Живо возвращайся со мной!

Лис окинул её равнодушным взглядом. Он едва заметно усмехнулся — в этом мимолетном движении таилась гипнотическая сила лисьего племени.

— Я иду куда вздумается, — негромко произнес он. — И кто такой ваш Король демонов, чтобы указывать мне?

Дерзкие слова прозвучали на удивление мягко. Е Цзи не почувствовал ни капли грубости — лишь глубокий бархатный голос, который завожил его, заставляя забыть обо всем на свете. Ему хотелось слушать его вечно. Он заглянул в его серебряные глаза и словно провалился в теплую лазурную глубину, где вкрадчиво шевелились чужие желания, утягивая его во тьму безволия.

Взгляд преследователя мгновенно остекленел. Лис мимолетно торжествовал, но наносить удар он не стал — мараить руки о послушную куклу казалось ниже его достоинства. Оттолкнувшись от сука, Ху Цзюмин легко взмыл в воздух, огибая застывшего Е Цзи, и устремился прочь.

Но не успел он сделать и пары шагов, как с яростным воем налетел черный вихрь, принесший удушливую вонь свежей крови. Лис резко затормозил. Из кружащегося мрака соткался силуэт рослого мужчины.

Пришелец в глухом черном халате выглядел устрашающе: мощная фигура, зверская физиономия и уродливый глубокий шрам у виска. Однако при виде лиса верзила довольно ухмыльнулся, обнажив крупные зубы.

— Цзюмин, егоза, ну-ка возвращайся назад, — пробасил он. — Не позорь меня перед сородичами, не заставляй терять лицо.

Ху Цзюмин плавно вытянул из-за пояса тонкую гибкую плетъ. Алая демоническая метка между его бровей разгорелась чуть ярче. Он прекрасно понимал, что между его силой и сокрушительной мощью этого чудовища лежит непреодолимая пропасть, но уступить не собирался. Терпеть принуждение и подчиняться чужой воле было для него хуже смерти.

Крепко сжав рукоять, он направил гибкую плетъ прямо в лицо врагу:

— А с какой стати я должен заботиться о твоём лице?

Король демонов помрачнел. Он до последнего надеялся обойтись без насилия, предпочитая мягкую покорность, но строптивость беглеца уже начинала испытывать его терпение на прочность. С трудом гася рвущуюся наружу убийственную ауру, владыка шагнул вперед и развязно хохотнул:

— Ладно тебе, пойдем домой. А плеточку эту побереги — в спальне пригодится, во время брачной ночи.

Ху Цзюмин усмехнулся одними губами, но гибкая плетъ в его ладони натянулась как струна.

— А если я хочу опробовать её прямо сейчас? — ледяным тоном спросил он, даже не шелохнувшись.

Воздух вокруг мгновенно потяжелел. На лиса обрушилось колоссальное давление демонической мощи, и в следующую секунду до него донесся кровавадный рык Короля демонов:

— В таком случае не обижайся, если заберу тебя по частям!

В самых глухих недрах горы Юньцан раскинулась гибельная топь. Мелкая нечисть и слабые духи за версту обходили эти мертвые земли, зная, что в зловонном сердце болота скрыто логово Короля демонов Цинтяня. На всей Юньцан не нашлось бы безумца, рискнувшего бросить ему вызов. Жизни местных слабаков не хватило бы владыке и на один укус, а напрасно злить свирепого хозяина топи никто не желал.

Но сегодня еще задолго до рассвета болотные недра содрогнулись. Наружу вырвался шквалистый ветер, напоенный безумной яростью. Мелкие твари, не успевшие забиться в глубокие норы, гибли на месте — их тела разрывало в клочья плотной приливной волной чудовищного демонического давления.

Посреди черного тумана соткалась фигура Цинтяня. Король демонов бешено рыскал испепеляющим взором по окрестностям в поисках беглеца. С глухим рыком он взмахнул рукавом: темный вихрь пронесся над топиями, застилая небо копотью и мгновенно выжигая жизнь в радиусе десяти ли. В следующее мгновение, обратившись грозовой тучей, владыка болот умчался к границам Юньцан.

Когда улеглись комья болотной грязи, в воздухе медленно, точно невесомые пушинки, закружились несколько белоснежных волосков. Коснувшись земли, они бесследно растаяли.

Очень скоро всю гору всколыхнула невероятная весть: грозный Король демонов воспылал страстью к местному девятихвостому лису и вознамерился сделать его своим суженым. Да только строптивый красавец ухитрился сбежать прямо в день свадьбы! Оскорбленный в лучших чувствах Цинтянь рвал и метал. Он объявил великую охоту, приказав всей нечисти Юньцан рыскать по лесам: любой, кто заметит Ху Цзюминя, обязан был немедленно доложить во дворец.

Слухи поползли лавиной. На всей Юньцан жил лишь один лис — Ху Цзюмин. И дело было не только в его редком девятихвостом происхождении, но и в том, что он родился самцом. В Море Скитаний каждый знал о нерушимом законе, некогда изданном самим Верховным Владыкой: всех лисов-самцов надлежало немедленно доставлять к берегам Подземного моря, к подножию далекой горы Скитаний.

Среди лисьего племени самцы рождались раз в столетие, а уж девятихвостые — и вовсе были сродни легенде. Почему Цинтянь так отчаянно пытался запереть Ху Цзюминя в своем логове, лесные твари понимали без слов. Внутреннее ядро девятихвостого лиса таило в себе колоссальную мощь — лакомый кусок, от которого у любого демона потекут слюнки. Ради такой добычи Цинтянь готов был рискнуть головой и нарушить высочайшую волю Императора.

— Слыхал новости? — негромко заговорил стражник в синей форменной куртке, поднимаясь по крутым ступеням на крепостную стену. — Ночью у городской управы дозорного задрали. Лютая смерть, прости господи, все кишки наружу выпустили!

Его напарник испуганно вытаращил глаза:

— Да ну?! Не враки? Неужто на чертовщину какую впотьмах напоролся?

— А я откуда знаю? — зачинщик разговора сплюнул под ноги и поднялся на верхнюю площадку. — Мертв сторож, и все тут. Тело до сих пор в тупике у Западных ворот лежит, народ толпится.

Договорив, он по привычке окинул взглядом охраняемый рубеж — и вдруг осекся. Возле самой зубчатой стены, прислонившись к каменной кладке, спал незнакомец в белоснежном халате.

Юноша был необычайно хорош собой, но застыл так неподвижно, что с первого взгляда трудно было понять, дышит он вообще или нет.

Врата на стену на ночь запирали на тяжелый засов. Как этот щеголь ухитрился незаметно пробраться наверх? Впрочем, размышлять над загадкой дозорный не стал. Он поспешил к незнакомцу и осторожно потеревил его за плечо:

— Эй, господин хороший, просыпайтесь!

Цзи Цину как раз снилось детство. Матушка поймала для него пушистого горного духа, чтобы сыну веселее жилось, и мальчик без устали гонял шустрого серого зверька по зеленым склонам. Вот-вот сцапает за загривок — но тут чья-то бесцеремонная рука грубо толкнула его в плечо. Зверек сиганул в густой папоротник и был таков.

Цзи Цин недовольно приоткрыл глаза. Солнце стояло уже высоко, а прямо над ним сидел служивый, докучливо бубня над самым ухом. Досадливо поморщившись, юноша привычным движением взмахнул широким рукавом. Воздух дрогнул, и он бесследно растаял, чтобы секундой позже соткаться у подножия крепостной стены. Смешавшись с гомонящей толпой, даос неспешно двинулся по улицам столицы.

Дозорный ощутил, как невидимая, но упругая волна вежливо отодвинула его назад. Когда он проморгался, у стены уже никого не было. Стражник ошалело захлопал узкими щелками глаз и растерянно крикнул напарнику:

— Эр Чжу! Слышь, Эр Чжу! А куда делся тот господин, что тут лежал?!

Эр Чжу, лениво переваливаясь с ноги на ногу, подошел ближе и во весь рот зевнул:

— Какой еще господин? Пригрезилось тебе с похмелья. Коли ласки захотелось, так давай вечером в квартал красных фонарей заглянем, выберем тебе смазливого парнишку для утех.

Когда Туди отыскал Цзи Цина, тот задумчиво вертел в руках деревянную колотушку погибшего сторожа. Мысль о том, что бедолага испустил дух, имея при себе его личный оберег, уязвляла гордость даоса. И пускай вчерашний хмель действительно заставил его проспать ночные дозоры, мириться с обнаглевшей тварью, устроившей охоту под самым его носом, он не собирался.

Поняв, что молодой даос не в духе, старик Туди решил сразу перейти к делу. Он с силой стукнул узловатым посохом о мостовую. Воздух над ними подернулся дымкой, и соткался призрачный образ величественного старца с длинной окладистой бородой, облаченного в свободное серо-белое даосское одеяние. Даже бестелесная проекция источала столь мощную,

подавляющую ауру, что у любого смертного тут же подкосились бы колени.

Едва завидев проекцию, Цзи Цин небрежно задвинул колотушку в глубь рукава и со скучающим видом застыл рядом, ожидая, когда гость заговорит.

В воздухе парил сам Чжун Куй, Верховный бессмертный. В те дни, когда небесная кара едва не испепелила Цзи Цина, превратив его в полубессмертного, именно этот старец спустился с небес, горя желанием взять талантливого юношу в личные ученики. Цзи Цин тогда наотрез отказался, но дружба между ними завязалась крепкая. Небожитель частенько навещал его в мире смертных, направляя и наставляя в тонкостях духовного пути. Правда, с тех пор как Цзи Цин сам обрел немалое могущество, визиты почти прекратились. Зачем же старый бессмертный побеспокоил его на этот раз?

Явив свой лик, Чжун Куй первым делом нашел глазами юношу. Разгладив окладистую бороду, он добродушно усмехнулся:

— Столько лет прошло, а ты все такой же бука. Эх, Цзи Цин... С твоим-то редчайшим даром, имей ты хоть каплю рвения к горним высям, давно бы пировал в Небесных чертогах, вместо того чтобы прозябать среди бренного праха.

Цзи Цин лишь молча скрестил руки на груди. Весь его вид красноречиво говорил: «Ближе к делу, старик, иначе я ухожу».

Вздыхнув, старый бессмертный перешел на серьезный тон:

— Вчера ночью, как и положено, отворились Врата запечатывания призраков. Дело обычное, да только на сей раз все пошло наперекосяк. Повсюду, за исключением нашей Столицы Вечного Веселья, случилась страшная резня: вырвавшиеся твари подчистую выкосили четыре крупных города. Под нож пустили всех, не пощадили даже местных заклинателей. Его Величество Нефритовый император спешно отправил меня в мир смертных. Наверху всерьез опасаются, как бы все Три мира не погрузились в хаос. Так что будь настороже.

Под конец речи в глазах старца промелькнула тень тревоги. Хоть он и пытался скрыть волнение, Цзи Цин все заметил. Похоже, тучи сгущались нешуточные.

Заметив пронизательный взгляд даоса, Чжун Куй смущенно почесал затылок.

— Ладно, твоя взяла — раскусил-таки старика, — проворчал он. — Я здесь по делу. Сходи-ка ты к Башне Подавления Демонов, что у границ Чанлэ, да проверь, крепка ли печать. Хоть столицу беда пока и обошла стороной, осторожность лишней не будет. Гостинцы я оставил у Туди, заberi у него. Искренне надеюсь, что когда мы свидимся вновь, ты наконец отбросишь земную шелуху и займешь свое законное место на Небесах.

Слова затихли, и призрачный силуэт окончательно растаял в воздухе. Цзи Цин задумчиво уставился на пустое место, погрузившись в свои мысли.

Туди, решив не искушать судьбу под горячую руку, на цыпочках двинулся прочь. Но не успел он сделать и трех шагов, как неведомая сила ловко подсекла ему ноги. Старик с размаху приложился лицом к мостовой, взметнув тучу пыли.

Кое-как поднявшись и отплевываясь, Туди сердито уставился на невозмутимого даоса. С ворчанием выудив из-за пазухи небольшой сверток, он запустил им в юношу:

— Ну конечно, про гостинец ты не забыл! Хотя бы раз старика пожалел, ирод! Никакого уважения к почтенным летам!

Цзи Цин на лету поймал сверток и спрятал его в рукав, а взамен щелчком отправил приземистый глиняный флакон.

— Держи, не ворчи, — примирительно отозвался даос. — И приглядывай тут за порядком, пока я буду в отлучке.

Проводив даоса взглядом, Туди с улыбкой прижал к груди обретенное сокровище. «А парень-то не совсем безнадежен, вспомнил про старика!» — благостно подумал он, торопливо срывая сургучную печать.

Однако, заглянув внутрь флакона, Туди обомлел. На самом доньшке сиротливо плескалось от силы пара капель драгоценного вина. Старик почувствовал, как кровь бешено прилила к голове, а в ушах зазвенело.

Дрожащими руками опершись на посох, он побелел от ярости и с силой вогнал пробку обратно. «Дыши глубже, старый, дыши глубже, — мысленно уговаривал он себя. — Ну швырнул он тебе обеды... Ну мало того, что это недопитки, так он ведь их еще и из моих же личных запасов прошлым летом утащил! Спокойствие, только спокойствие. Ты прожил на этом свете тысячу лет не для того, чтобы окочуриться от разрыва сердца из-за паршивого сопляка. Не дождется. Уж точно не сегодня...»